

Литературная газета

№ 37 (528)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 5 июля 1935 г.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ СССР

Завтра — двенадцатилетие конституции СССР.

Двенадцать лет Советская страна растет, крепнет и расцветает как сильный, добровольный государственный союз народов, строящий социализм. Все ирре разогреты над миром слова «Декларации об образовании Союза советских социалистических республик», принятой первым землемером советов СССР по докладу великого вождя трудащихся т. Сталина:

«Там, в лагере капитализма — национальная вражда и иерархия, колониальное рабство и плювничество, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов».

Конституция СССР вся национальная политика советской власти есть одно из величайших подтверждений исторического превосходства социалистического строя над пропагандой строем капиталистической эксплуатации. Конституция СССР и ее последовательное воплощение в жизни и творчестве десятков народов, населяющих Советскую страну, — это боевой революционный призыв к народам всего мира, указывающий путь к их подлинной свободе и раскрепощению. Наша советская конституция — это острейшее оружие в руках рабочих всех стран, перед которым в яростях отступают современные рыцари звериного шовинизма, создавшие человеческо-исторические «теории» о высших и низших расах, об исторических и неисторических народах.

Никогда, как в обстановке распространяющей угрозы новой империалистической войны, не выступало с такой яркостью боевое, воинствующее значение нашей конституции, воплотившей «национально-советскую» государственность, близкую и понятную массам. (Сталин.)

Вместе с тем, конституция СССР все ярче и глубже предстает перед нами, как грядущее хозяйственное строительство, как гигантский рост благосостояния народных масс, как расцвет многочисленных культур народов, «национальных по форме, социалистических по содержанию», как утверждение социализма на пространстве огромной многонациональной страны.

Твердая и неуклонная ленинско-сталинская национальная политика, последовательная борьба большевистской партии против остатков великороджанского шовинизма и местного национализма — вот тот великий рывок, с помощью которого народы Советского союза победительно заявляют себе счастливую, радостную, творческую жизнь. Плодами этой политики мы теперь гордимся перед всем миром, ибо в ней заложена величайшая притягательная сила, вспыхнувшая в нашей стране сердца не только рабочих всех стран, но также угнетенных народов капиталистических колоний, но и сердца лучших представителей мировой интеллигенции, передовых мастеров культуры, представителей научной мысли и художественного творчества.

Великая Октябрьская пролетарская революция до основания разрушила империалистическую монополию национального строительства. Конституция СССР — это выражение непреклонной решимости партии и советского правительства укреплять мощь и непоколебимость пролетарской диктатуры как основного ряда построения бесклассового социалистического общества. Революционная классовая бдительность и большевистская советская дисциплина, беспощадная разоблачительная и решительный отпор вылазкам врагов социализма и их контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому предательству, теснившее и беззаботное спокойствие вокруг имени партии Ленина — Сталина — вот что является залогом упрочения нашего Советского государства, незыблемости нашей советской конституции. Миллионные массы рабочих и колхозников, а вместе с ними и наша советская интеллигенция казлыем именем своей работы на пользу социалистической родины показывают свою готовность защищать до последнего вздоха основы нашей советской государственности.

Ряд национальных республик, отмечавших сейчас юбилейные даты своего государственного существования, с гордостью вносят в списки своих побед — рост и успехи своей национальной художественной литературы. Голос украинских и белорусских, грузинских и армянских, узбекских и таджикских писателей взывает и гордо звучит на парижском конгрессе писателей, а ведь там были представители только самых крупных литератур народов СССР! Нигде в мире нет такого простора для развития национального

романовскую монархию, — вековую торжку народов. Под знаменем советов, под солнцем Советской страны отшла в область прошлого позорная колониальная география российской империи с гигантскими «имperialistическими окраинами», где парши бессправия и эксплуатации, темнота и голод, алкоголизм и повальные болезни. Сейчас национальные республики Советского союза стали странами передового колхозного земледелия, растущей крупной промышленности, цветущей национальной культуры.

Десятки тысяч представителей разных угнетенных народов нашей страны уже вступили в ряды новой советской интеллигенции, они стали к сложнейшим станкам своих советских заводов, наполнили аудитории высших учебных заведений, вошли в библиотеки научных институтов. Десятки миллионов — от охотников дальнего Севера до пастухов горного Памира — ликвидировали неграмотность, обрели свою национальную печать, познали пользу и помощь советской медицины, взрастили новое поколение алфавитов и радостных лягушек. Таланты из микроскопов, узбеков из рулем стоячного трактора, чукча в кабине многомоторного самолета, белорусский крестьянин на профессорской кафедре — все это живая жизнь, подлинность, все это уже «заслуженное и записанное».

Одним из самых ярких результатов и проявления ленинско-сталинской национальной политики является расцвет художественных литератур народов СССР. Прошли те мрачные и позорные времена, когда резонансирующий поэт — помпец мог утверждать как венценосную истину тот факт, что «у чукчи нет Анахреона». Сейчас художественное слово, прозаический и стихотворное, свободно и гордо звучит на десятках языков народов нашей страны, передаваясь всеми цветами национального творческого гения.

Ряд национальных республик, отмечавших сейчас юбилейные даты своего государственного существования, с гордостью вносят в списки своих побед — рост и успехи своей национальной художественной литературы. Голос украинских и белорусских, грузинских и армянских, узбекских и таджикских писателей взывает и гордо звучит на парижском конгрессе писателей, а ведь там были представители только самых крупных литератур народов СССР! Нигде в мире нет такого простора для развития национального

литературного творчества. Пол водительством большевистской партии, под знаменем советов великого Союза народов нашей страны идет к торжеству социализма. Мысли, прелестность любви каждого устремлены в этом победоносном движении миллионов к гениальному учителю и другу трудащихся, к творцу конституции СССР — Сталину.

ПИСАТЕЛИ О РЕЧИ тов. ПОСТЫШЕВА

Б. РОМАШОВ

МОБИЛИЗУЮЩЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Мне, как участнику пленума ученых советов писателей, очень трудно одновременно освободиться от того непосредственного впечатления, которое произвела на меня речь П. П. Постышева. Это было подлинно мобилизующее выступление... Я впервые слышал т. Постышева, и перед мной стоял во весь рост партийный руководитель, человек, боевец... Глубокий политический анализ сменился в его речи рядом тонких литературных, высказываний, и высокие требования к писателям, как «инженерам человеческих душ», звучали волнующе убедительными и просто.

Выступление это заставило много думать, и разумеется, значение этой речи неизмеримо шире обычного выступления на пленуме, и ИМЕЕТ ГЛУБОКОЕ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ советской литературы. Прежде всего это речь о человеке; РЕЧЬ ЛЮБВИ К ЧЕЛОВЕКУ. Замечательный образ этого человека, строителя и бойца, отвоевавшего в тяжелой борьбе свое право на прекрасную жизнь, на культуру, на творчество во всех областях социалистического строительства, выражает перед глазами я, невольно заставляет всматриваться в свои черты, еще неразгаданные нами. Суроная классовая борьба на Украине показала, какими тонкими методами пользуется враг, чтобы вырвать это право из сознания народа, отравив его ядом националистических тенденций. И какая нужна бдительность в

этих борьбах! Ошибки писателей-коммунистов на Украине четко определены П. П. Постышевым, и это имеет глубоко принципиальное значение.

Определяя черты советского человека, П. П. Постышев говорит о его тяге к творчеству, к созидательной работе, о его чувстве собственного достоинства, о советском патриотизме, человеке, боевце... Глубокий политический анализ сменился в его речи рядом тонких литературных, высказываний, и высокие требования к писателям, как «инженерам человеческих душ», звучали волнующе убедительными и просто.

Выступление это заставило много думать, и разумеется, значение этой речи неизмеримо шире обычного выступления на пленуме, и ИМЕЕТ ГЛУБОКОЕ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ советской литературы. Прежде всего это речь о человеке; РЕЧЬ ЛЮБВИ К ЧЕЛОВЕКУ. Замечательный образ этого человека, строителя и бойца, отвоевавшего в тяжелой борьбе свое право на прекрасную жизнь, на культуру, на творчество во всех областях социалистического строительства, выражает перед глазами я, невольно заставляет всматриваться в свои черты, еще неразгаданные нами. Суроная классовая борьба на Украине показала, какими тонкими методами пользуется враг, чтобы вырвать это право из сознания народа, отравив его ядом националистических тенденций. И какая нужна бдительность в

этих борьбах! Ошибки писателей-коммунистов на Украине четко определены П. П. Постышевым, и это имеет глубоко принципиальное значение.

И недаром П. П. Постышев, говоря о «социалистической правде и искренности произведений», ссылается на театр: «Разве не бывает — сидишь в театре и смотришь иную пьесу. Как будто все на место: и пьеса, и ДнепроГЭС, и Донбасс, и завоевать есть, и вредитель или кулак показан. И финал как будто в попыту социализма. И языки как будто не плохи. А пьеса все же не волнует, фельшво звучит, искренности не чувствуешь. Всё как следует расстав-

лено, пропорции выдержаны, а не волнист. Не искренность чувствуешь у автора, а расчет, а порой... хозяйничество».

В той части своей речи, где т. Постышев говорит о качествах, необходимых писателю, чтобы преодолеть трудности воплощения новой действительности, «чтобы показать современному человеку его великое завтра», он подчеркивает, что «свойство писателю должны быть свойственны лучшие чувства и порывы первородных людей нашей эпохи». Да высокая идеиность и социалистическая правда, и искренность, и работа над собой, и создание подлинно товарищеских отношений, подлинного коллективизма — все это необходимые условия для роста нашей литературы. Они созданы нами, но реализуются в слишком медленных темпах!

В своем выступлении П. П. Постышев сумел затронуть то подлинно живое, волнующее каждого искреннего писателя чувство ответственности за великое дело формирования новой социалистической личности, которая является сердцем нашей литературной жизни. Вот почему его речь о человеке конкретной эпохи и живущем во имя великого завтра, стала так близка всем, кто видит в литературе большевистского орудия воспитания нового человека.

Помимо глубокого политического анализа геройической борьбы советской Украины, помимо глубокого анализа общего роста и расцвета нашей великой родины в этой замечательной речи поражает глубокознание т. Постышевым литературы, его большая любовь к ней и подлинно большого художника вопросов, что необходимо высказать хотя бы на некотором ее разделе.

Мне кажется, что речь т. П. П. Постышева заставляет каждого писателя внимательно проверять свою поведение как «человека». Нужно честно и непримиримо измерять степень собственного участия в делах родины, в интересах ее граждан, и не только тех граждан, которых писатель берет на свою страницу.

Ступая по великим сталинским традициям, т. П. Постышев раскрывает перед писателями заново человека нашей эпохи, показывает на все это измерение, которым этот новый человек великочайших гуманистических устремлений и «неслыханной истории», — как замечательно выразился Максим Горький.

Ступая по великим сталинским традициям, т. П. Постышев раскрывает перед писателями заново человека нашей эпохи, показывает на все это измерение, которым этот новый человек великочайших гуманистических устремлений и «неслыханной истории», — как замечательно выразился Максим Горький.

Мы с таком же радостным напряженностью читали эту речь, как те писатели, которые прослушали ее живой, пронзительной т. Постышевым, и восторженно рукоплескали ей, как новому слову о проблемах нашей новой советской литературы.

Мы с таком же радостным напряженностью читали эту речь, как те писатели, которые прослушали ее живой, пронзительной т. Постышевым, и восторженно рукоплескали ей, как новому слову о проблемах нашей новой советской литературы.

Когда я думаю о чудесной твите, которую я не глупил. То был урок реального для художника умения: ИСКУССТВА ЧУТКО СЛЫШАТЬ И ПОНИМАТЬ ПРОЦЕССЫ РОСТА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, ВСЕ СУЩЕСТВО КОТОРОГО ПРОНИКНОУНО ПЕРВОКОННО НА ЗЕМЛЕ ГАРМОНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

То был блестящий урок. И слушали его не глупые. То был урок реального для художника умения: ИСКУССТВА ЧУТКО СЛЫШАТЬ И ПОНИМАТЬ ПРОЦЕССЫ РОСТА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, ВСЕ СУЩЕСТВО КОТОРОГО ПРОНИКНОУНО ПЕРВОКОННО НА ЗЕМЛЕ ГАРМОНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас ленинско-сталинскому искусству: и это искусство, которое полнокровно чувствуют людьми. Искусство это сугубое и высокое, безжалостное к людям гнили и полное самоутверждения любви к росту нового, социалистического человека. В каждом слове Павла Петровича Постышева победно звучало это искусство.

Мы, украинские советские писатели, получили блестящий урок, который учит нас л

НА ШТУРМ СТИХИИ О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ РОМЭН РОЛЛАНА

Но больше всех тебя отныне,
терпенье пошло, иллюзии.
(Фауст, ч. 1).

Жан Кристофф увидел свет в германском городе. От своих мелкобургундских предков Жан Кристофф унаследовал сильное, крепкое тело, упрямую, залорную волю, властный инстинкт труда. Но одного этого, конечно, не достало бы на то, чтобы сделать его героям начала XX века. Пол Бургерской окорлы Жана Кристоффа горели искры художественного гения, искры, вышибленные своеобразной природой мальчика, составившие его подлинное бытие. И дел и отен его прошли все свою жизнь на положении привилегированных музыкантов одного из многих германских дворов, где свое политическое ничтожество «отцы отечества» возмешали снегленим покровительством наук и искусств, под почитательными аплодисментами германской буржуазии.

С ранних юношеских лет погружалась Жан Кристофф в мир музыкальных сочинений, с ранних лет привыкал отдавать музыку своим скрошенным душам, своим детским мечтам, свою наивную ребяческую жажду любви, ласки, простых, человеческих, естественных откликов. Две жизни, две души, две области существования как-то странно отклонились в генитальном ребенке. Грубая действительность семьи, пьяного отен, пропивающего линную долю семейных доходов, мать, заливавшаяся категорией языка, вспоминаемая в себе предрасудки и воссажение в себе мещанского бескультурья. Такова была одна сторона жизни.

Музыка, красота, искусство играли в жизни Жана Кристоффа роль спасательного пояса, дававшего ему возможность удержаться над поверхностью мещанской тины, противостоять себе ей, уноситься из нее в светлый, воззванный мир. «Для музыкального сердца все — музыка. Все, что трепещет и движется и дрожит: солнечные летние дни, ночь со свистящим ветром... кровь, бьющаяся в жилах в ночной тишине... — все, что существует — музыка; все дело в том, чтобы ее слышать. Вся эта музыка бытия звучала в Кристоффе. Все, что он видел, все, что чувствовал, превращалось в музыку... Но никто этого не замечал. Он еще меньше, чем другие...»

Жан Кристофф — «супергерой», «чудесный» ребенок, потешающий титулованных беззельников своей велико-германской родины; Жан Кристофф — подросток — придворный скрипач, напрежающийся во всех своих лестничных силах, чтобы проговорить се-мью, заменить ей опускающуюся, все-гда пьяную, драчливого и бранчливого отца; Жан Кристофф сам еще полуబенек, обучающий музике левин из хорошего общества; Жан Кристофф, погружающийся в неизную сказку детской дружбы, первой отроческой влюбленности. Овощная влюбленность Жан Кристофф так же поэтизовала, как свою музыку. Его любовные переживания походили на сочинениями сонаты и песни. Тем горе было разочарованность, тем больше охвачивалась он отчаянием, когда разрывалась с ним любовь, когда она есть, рассекавшая обра-зы его любви. Еще дальше от жизни пытались он тогда спастись в свой фантастический мир искусства. «Он думает о своих любимых учите-лях, об отомпелах в величии гени-ческих душ, которых охватывал в их музыке. Он мечтает стать таким же, как они, сесть вокруг себя любовь-редкие, затерянные лучи которой озарят божественной ульбкой всю его белую жизнь. Стать в своем очере-де божеством пламенем счастья, солнцем жизни... Увы, если он упо-любится когла-ибуль в тем, кого он так любит, если он постигнет этого лутезарного счастья, которому так завидует, он поймет тогда свое за-блуждение...»

Придворный музыкант Жан Кристофф противопоставляет искусство действительности. Он как бы оторвал цветы искусства от вырастивших их почв действительности, и они зацвели в его мозгу самодовлеющей жизнью. Творческая деятельность Жана Кристоффа началась в последней четверти прошлого столетия. Буржуазия, пресмыкающаяся перед дворянством, и дворянство, сочтавшие в себе черты буржуазной «деловитости» с высокомерием привилегированной ка-сты. Все страна затянута в имперско-королевский прусский военный мундир. Музыка Жана Кристоффа, в самомнении художника, принятая им за свободную, паственную мечту, на самом деле пребывала жаждой племянницей прусского юнкера или умеренного и аккуратного немецкого бургомистра.

«Этим смильям нужен только на-вода, неужели вы думаете, что на сме-те есть лесистые, любящие музмы? Есть ли хоть один... о вами- буде то же, что и со всеми... вы будете думать только о том, чтобы вымыться и наслаждаться жизнью, как и все... и вы будете пра-вильно...»

Так с мучительной остротой вслыхнуло перед Жаном Кристоффом вопрос: для него же, в конце концов, творит он и что выражается в его творчестве — роковой вопрос о сущности и определенности искусства. В искусстве пытались он бежать от грязи реальности и убежали в том, что это так же невозможно, как невозможно человеку оторваться от земной тяже-сти прижимом. Классическая музыка XVIII века, завершавшаяся мятежным взрывом Бетховена, романтическая тоска последующего буржуазного поколения, жившего между двумя революциями, все это культурное наследство, по влечению воспринятое буржуазной Германией, внутренне было ею чуждо, напоминало параллельный музул, наследованный по праздничным линам. Малое поколение тупых, жалких и жестоких мешан пожаловалось в мелком, похотливом ис-кусстве.

И классика и романтика плохо ви-зались с вахтрападом казармы с тор-гашеским духом конторы, с буддой

личестве. Его идеи, его творческие мысли, его действенная критика жизни нуждаются в иных людях, в ином обществе, чтобы быть претворенными. Буржуазное общество и борец за покорство Жан Кристофф находятся друг другу чужими. Музыкально ищет Жан Кристофф какую-то точку опоры. Но он не находит и не может найти ее в массовых силах истории, поскольку свой революционный огонь он устремляет не на фундамент общества, но на его надстройку. Революционные страсти своей эпохи он отразил в ее верхнем ярусе, в сфере ее эстетических идей, ее романтических мечтаний, ее субъективных чувств и настроений. Но только немногие предсмеченные аккорды своей жизни нащупывают они та глубины общества, где куются рычаги, предназначенные пребывать в будущий мир.

Летопись Жана Кристоффа — не только повесть музыкальных исканий лучшей части буржуазной интеллигенции на граничной грани истории, она в то же время о внутренней необходимости подводки своего героя через социалистическую революцию. И вместе с ним тех одиозных бесприютных менталитетов, кто, не обладая оружием генерального искусства, вместе с тем не менее мучительно переживал тупость и холод распадающейся капиталистической цивилизации.

Образы этих двусмысленных с буржуазным миром личей написаны великим гуманистом захватывающей, неизогранный яостью. Годфрид, дядя Кристоффа, странствующий ремесленник, чувствующий красоту природы лучше, чем искалеченные профессио-нальные поэты-художники, наставляемый гуманистом захватывающей, неизогранный яостью. Годфрид, дядя Кристоффа, странствующий ремесленник, чувствующий красоту природы лучше, чем искалеченные профессио-нальные поэты-художники, наставляемый гуманистом захватывающей, неизогранный яостью.

Жан Кристофф — зачинщик случайной схватки и ему остается один выбирать — эмиграция. Париж давно уже притягивал его своим ярким политическим и общественным огнем, своим мающим излучением обещанием свободы, своим сияющим культурным заревом. И вот Жан Кристофф в славном городе мира.

Благодаря и Вам с заветами в нашей искренней любви и в постоянном восхищении перед величием Вашего гения, мы присоединяемся к тем чувствам, которые питают и Вам миллионы трудающихся Советского союза, чтобы Вас как одну из центральных фигур культуры современного человечества, как великого друга нашей страны и нашего строя.

В то же время мы, советские музыканты, связанны с Вами другой интимнейший нитью. В наших глазах Вы

не только величайший писатель сов-

Ромэн Роллан в Большом театре

Ромэн Роллану

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ! И ДРУГ!

Разрешите нам, советским композиторам, приветствовать Вас на советской земле, в стране Ленина и Сталина, где сейчас воздвигается новая человеческая культура, одним из прекраснейших писцов которой является Вы.

Обращаясь к Вам с заветами в нашей искренней любви и в постоянном восхищении перед величием Вашего гения, мы присоединяемся к тем чувствам, которые питают и Вам миллионы трудающихся Советского союза, чтобы Вас как одну из центральных фигур культуры современного человечества, как великого друга нашей страны и нашего строя.

В то же время мы, советские музыканты, связанны с Вами другой интимнейший нитью. В наших глазах Вы

не только величайший писатель сов-

ременной Франции и борец за лучшее будущее человечества, но и один из самых тонких теоретиков музыки и наиболее глубоких ее ценителей, автор замечательных критических статей и специальных исследований.

Именно эта Ваша близость и родня нам с искусством заставляет радоваться особой радостью от сознания, что Вы живете рядом с нами, дышите воздухом нашей страны и нашей эпохи.

Благодаря и Вам с заветами в нашей искренней любви и в постоянном восхищении перед величием Вашего гения, мы присоединяемся к тем чувствам, которые питают и Вам миллионы трудающихся Советского союза, чтобы Вас как одну из центральных фигур культуры современного человечества, как великого друга нашей страны и нашего строя.

А. ВЕПРИК, Д. КАБАЛЕВСКИЙ,

Н. ЧЕЛЯПИН, ГЕОРГ ХУБОВ,

В. ГОРОДИНСКИЙ, А. ЗАТАЕВИЧ,

Л. КНИППЕР, Ф. САБО,

В. БЕЛЬЯ, А. ХАЧАТУРЯН,

Б. ШЕХТЕР, А. ОГЛЕВЕЙ,

М. ГНЕСИН, АЛЕКС. КРЕЙН.

2/УП, 1935 г.

„ПЯТЬДЦАТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ“

Вышедшие недавно из печати в Париже две новые книги Ромена Роллана: «Пятьдцать лет борьбы» (в издании Ридер) и «Через революцию» (в издании Соп-интерна, издавательство) пробудили огромный интерес как среди читателей, так и со стороны прессы.

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Жан Кристофф умер накануне войны. Глаза последней книги капиталистического заключены. Капиталистическая Ваал пожирает миллионы человеческих жертв. Не мог оставаться прежним новый Жан Кристофф, восходивший в душе автора. Проявляется цель его борьбы, он знает своего врага в его новом подлинном обличье, в страшном оскале его честолюбия, грозящем гибели культурного человечества.

Жан Кристофф умер накануне войны. Глаза последней книги капиталистического заключены. Капиталистическая Ваал пожирает миллионы человеческих жертв. Не мог оставаться прежним новый Жан Кристофф, восходивший в душе автора. Проявляется цель его борьбы, он знает своего врага в его новом подлинном обличье, грозящем гибели культурного человечества.

Сложная драматическая эволюция великого французского писателя, все проявлены им этически, привнесшие Ромена Роллана впереди времени и перед теми, кто, будучи против империализма и национализма, против фашистской реакции и беспредельной тирании, отверг империалистическую идеологию отчуждения и пренебрежения.

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

Ромэн Роллан в одном из последних номеров «Юмайз» (от 24/VI) пишет о «победе над империализмом» и что «победа над империализмом» означает «победу над всеми империалистами, над всеми империалистами мира перед империалистической войной».

